

МАКСИМ УДИНСКИЙ

ЭПОХА ВЕСНЫ

ЦИКЛ РАССКАЗОВ

Максим УДИНСКИЙ

Эпоха весны

«Издательские решения»

Удинский М.

Эпоха весны / М. Удинский — «Издательские решения»,

Семь рассказов из обыденной жизни обычных жителей XXII-го века. Студент на практике, полицейский, солдат, неудачливый наемник, старый пилот и сомнительный бизнесмен.

Содержание

Специалист	6
Дальние рейсы	11
Золотая рыбка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эпоха весны
Цикл рассказов
Максим Удинский

© Максим Удинский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Специалист

*На голой ветке.
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.*

Басё

– Здравствуй. Рад видеть тебя, – продавец направился к вошедшему Роману. – Я уже думал, что ты переехал куда-то поближе к морю.

– Нет, – Роман сдержано пожал протянутую руку. – Вы же меня знаете. Я отсюда никуда не хочу уезжать.

– Молодец, – кивнул тот. – А твой отец мне часто говорил, что его сынок свалит из нашего сонного мешка.

– Ну, не такой уж сонный, этот мешок, – возразил Роман, улыбнувшись. – Каждую неделю ловят каких-нибудь террористов.

– О, что же я тебя здесь держу? Пойдем в кабинет, расскажешь все там, – продавец сделал жест помощнице, сидевшей у кассы – «заменя меня на время».

Кабинет был обставлен старомодно как для Романа – ему не особо нравились кичливые кресла и старая абстрактная мазня, названная «картинами». Но хозяин, пожилой и добродушный Павлов, чувствовал себя здесь комфортно. Здесь даже нашло свое место красное знамя в цилиндрическом прозрачном боксе, Павлов когда-то рассказал, что это – реликвия его прапрадеда, бывшего членом могущественного партийного клана, некогда правившего большой империей. Роман даже поинтересовался, сколько такая вещь может стоить на аукционе. Павлов обиделся тогда, объявив, что эта семейная реликвия бесценна.

Роман присел в самое скромное кресло (оно по крайней мере не норовило начать массаж спины или не вовремя подогреть сидалище). Павлов, бодро вытащил на свет темную объемистую бутылку, и сказал:

– А ты давно ко мне не заходил. Всё заботы и дела?

– Да, – кивнул Роман. В мыслях он торопливо собирал в одну кучу все, о чем сегодня хотел поговорить с Павловым.

– Как жена? Как твои проекты? – учтиво поинтересовался Павлов, разливая в высокие бокалы темную жидкость.

– Жена? Ира? – переспросил Роман. – Ну, знаете, она ведь старомодная...

– Что? – спросил удивленно Павлов. – Синдром измены? Ушла?

– Оно, – кивнул Роман. – Я ведь несколько месяцев пытался ее подготовить, а всё без толку. – Он автоматически принял стакан в руки. – А ведь она сначала ничего даже не имела против. Я успел ее и с Аней познакомить, дурак думал, что они уже и подружились.

– Ну, ничего, крепись, – Павлов ободряюще поднял бокал. То же сделал и Роман.

Быстро опустошив свой, Роман сказал:

– Вы ведь вчетверо старше меня. Скажите, почему многие из них подвержены этому синдрому?

– Ну, что ж тут удивительного, – Павлов присел в соседнее кресло. – Ведь не всех же воспитывали прогрессивно. – После этих слов он хрипло засмеялся. – Но ты не волнуйся. Лег через двадцать никто не будет считать изменой то, что еще считают. Это даже юридическим предлогом для разводов уже не бывает. Роман, ты знаешь, сколько за последний год было заключено тройственных, четверных браков или слияний обычных семей?

Роман пожал плечами, ему не хотелось ждать двадцать лет, пока его первая жена «поумнеет» и с ней можно будет спокойно, без скандалов, поговорить о тройственной семье. Его больше волновало, как излечить ее от синдрома измены сейчас.

– Так вот – сорок тысяч случаев и это только за год после принятия нового семейного кодекса. Ты понимаешь, насколько все эти новшества выгодны и с экономической и с практической точки зрения?

– Скажите это тем, кто своих жен за одно упоминание об этом готов убить. Да и церковь прямо в ярости. Ведь в суд теперь не пожалуешься. А протесты разгоняются в два счета.

– Это пройдет, – успокоил его Павлов. – Новое всегда часто воспринимается враждебно. Хотя, какое же это новое, мы просто вытянули из подполья то, что и так уже существовало. Многие этого хотели, просто стыдились признаться открыто.

Роман сдержано кивнул. Павлов наполнил бокалы по новой, и спросил:

– Ну а проекты как? Есть чем похвастаться?

– Канис-10 и Канис-23 дали потомство, вполне жизнеспособное, – проговорил Роман. – Начальство довольно результатами.

– Поздравляю, значит, твоих зверюшек будут разводить там, – Павлов указал на потолок.

– Надеюсь, пусть хоть они побывают в космосе.

Павлов снова добродушно засмеялся:

– Да, нечасто увидишь такого сентиментального генного конструктора как ты, Роман.

– Спасибо, – Роман никогда не обижался на Павлова, если тому хотелось резко пошутить или сказать что-то не к месту. – Вы... мне нужна ваша помощь. Особая помощь...

– Так, – тон Павлова сразу посерьезнел. – Понятно. Раз уж ты пришел то значит, все решил твердо, – полуутвердительно произнес он.

– Ну, я думаю – да, – заволновался Роман.

– Эх... – Павлов отставил на стол бокал. – Все-таки хочешь ее... вылечить?

– Я ее, наверное... – осторожно сказал Роман. – Помогите мне ее... образумить.

– Понятно, – остановил его слова Павлов. – Тебе сколько лет, Рома? Двадцать три? Ты не боишься загреметь на такой же срок куда-нибудь в Антарктиду?

– Но ведь я хочу ей добра, – Роман смотрел куда-то в пол. – Я ее, наверное, люблю.

– Любишь? Ты второй жене, Анне, говорил, что собираешься предпринять? – довольно холодно спросил Павлов.

– Нет, она бы не одобрила.

– Роман, я бы на твоём месте просто дал бы Ирине развод. Успокоился и жил бы дальше. То, что ты просишь – опасно для вас всех.

– Но вы ведь можете мне помочь, – Роман побледнел, сдерживая эмоции. – Она на третьем месяце. И я хочу, чтобы этот ребенок родился в моей семье. Понимаете? В моей!

Павлов несколько секунд молчал, смотря на Романа, и что-то прикидывал в уме.

– Какой же ты наивный, – сказал хозяин кабинета и сел за широкий канцелярский стол. – Ты же понимаешь, что за все эти слова я спокойно могу вызвать полицию, и тебя отвезут в Комитет Морали.

– Понимаю. Но вы ведь помните об обещании.

– Сопляк! Ты еще и эгоист, оказывается! Я удивляюсь, как у тебя хватило наглости так использовать обещание, которое я даже не тебе давал! – Павлов в ярости стукнул кулаком по столешнице. – Это отец твой его заслужил, а не ты!

– Но оно ведь перешло ко мне по наследству, – мрачно ответил Роман. – Вы все еще обязаны ему, а теперь помогите мне и все, вы будете чисты.

Павлов быстро остыл, он ведь понимал, что Роман говорит чистую правду.

– Я уже жалею, что твой папаша помог мне тогда, – Павлов несколько раз сжал и разжал кулаки.

– Не тревожьте его прах, – попросил Роман. – Просто сделайте то, что я прошу. Она ведь ничего не будет помнить. Никто кроме нас двоих не будет знать.

– Чтобы больше ты сюда никогда в жизни не приходил, – процедил Павлов. – Понял?

– Само собой, – кивнул Роман. – Как только Ирина вернется, мы подпишем тройственный договор и уедем.

– Послезавтра в десять вечера она придет к вашему дому, – Павлов с презрительным взглядом бросил Роману маленький пакетик. – Это можешь дать ей, если у нее будут потом ночные кошмары.

– Спасибо, – Роман поднялся на ноги. – Извините за мой тон сегодня, но вы ведь понимаете как это важно для меня.

– Твоя Ирина замечательная женщина, а на свою беду, ты, Роман – эгоистичная сволочь. Я верну ее тебе, но не дай бог ты не оправдаешь то, в чем ты мне тут клялся. Если я узнаю, что ты мне тут лапшу вешал – я тебя найду даже на Марсе. И твой отец даже в могиле устыдится такого сына. А теперь – проваливай.

Роман торопливо ушел, сжимая во вспотевшем кулаке пакетик.

Стыд, облегчение и радость ясно читались на его лице. Ведь ему обещали вернуть Ирину, вернуть любящей женой, вернуть с ребенком под сердцем. Живой и здоровой. Анна, конечно, будет рада встретить ее, после того скандала. Все образумится, они станут замечательной тройственной семьей.

Ему обещал сам Павлов. Как можно усомниться в обещаниях такого человека?

– Будьте предельно аккуратны. Никаких новых штучек, только проверенные средства. Если ребенок пострадает, я вас размажу, – Павлов стоял перед тремя серьезными людьми.

Хрупкая на вид девушка сказала:

– Мы уже посмотрели, как она живет и с кем. Вывезти ее несложно – просто отключим ее сестру, сигнализация в доме просто смешная. Вот только там собака, немецкая овчарка – вы не против, если мы ее нейтрализуем?

– Нет, дохлых псин нам не нужно. Что там насчет ее вечерних прогулок?

– Можно, – кивнул высокий человек с тонкой бородкой. – Она часто делает покупки тут. – Он указал на развернутую на столе карту.

– Хорошо, – согласился Павлов. – Как там у вас с оборудованием?

– Порядок, – сказал третий «серьезный человек», молодой брюнет. – Нам будет нужно всего полчаса на все, генные и прочие карты этой дамочки у нас уже есть. Не бойтесь, мы ведь такое уже раз пятьдесят проделывали.

– Но не с беременными, – подчеркнул высокий.

– Слушай, я врач в пятом поколении, – снисходительно ответил брюнет. – Знаю что делаю.

– Скажите, – девушка посмотрела на Павлова. – Это опять кто-то хочет вернуть жену, да?

– Все так, – признался тот. Своим подчиненным он не любил врать без особой надобности. – Радуйтесь, что воссоединяете семьи.

– Шутку поняли, – улыбнулся брюнет. – Оплата такая же?

– Получите больше на двадцать процентов, если будет с ней нежны и заботливы, – Павлов повернулся к выходу. – Я потом посмотрю запись.

– Это что? Его родственница? – тихо спросил у своих коллег высокий человек.

Павлов ждал их. Сидел в комнате, где десятки раз видел, как его подчиненные орудуют над «клиентами». Десятки раз он наблюдал одну и ту же процедуру. Все так же. Все «клиенты» оставались такими, как и раньше, просто что-то забывали. Забывали избирательные эпизоды, незаметно для себя. Их всегда ждали заботливые родственники, решившиеся на такую рис-

кованную и подпольную процедуру ради их же добра. Чаше «клиентами» становились люди, пережившие что-то особо тяжелое или трагическое. Иногда к Павлову попадали и совсем иные. Их приводили сюда отнюдь не взволнованные близкие, а хмурые личности в невыразительной одежде. За таких платили особенно хорошо – при развитии современной криминалистики легче было просто «подправить» память, чем избавляться от трупов.

Павлов нервно выкурил уже пятую сигарету – это случалось с ним редко. Группа опаздывала на пятнадцать минут. Патрульных, которые могли прицепиться к ним, Павлов не боялся – у каждого из группы были спецпропуска и лицензии скорой помощи. Заторов на дорогах тоже можно было не опасаться – час пик давно прошел. Неужели что-то не так пошло?

Он в очередной раз про себя крепко выразился о Романе Скорых, который таким подлым образом решил вернуть себе жену. Старик закашлялся и вышвырнул сигарету в мусорную корзину, та лишь недовольно зажужжала – слишком мало мусора ей скормили.

В очередной раз он начал подумывать, как бы отплатить Роману, но потом вовремя одергивал себя – нельзя, он сделает только хуже чем есть. Возможно, Павлову впервые стало стыдно за свои действия, а вернее – за слабость. Ведь мог же он спокойно выгнать Романа, но этот паскудник вспомнил о том старом обещании, которое действовало уже сорок лет. «Дурак, старый дурак ты, – подумал Павлов. – Хочешь умереть честным, никогда не нарушающим данное однажды слово. Замечательно. Тебе за это нужно памятник поставить».

Размышления были прерваны вошедшими. Их было трое. На руках у брюнета, бережно завернутая в теплое одеяло, лежала рыжеволосая женщина двадцати пяти лет, именно такая, какой Павлов видел ее три года назад, когда был на свадьбе Романа и ее, Ирины. Тогда еще отец Романа был жив и все рассказывал Павлову, какой талантливый у него сын, какая замечательная у него молодая невестка.

Павлов молча смотрел на вошедших.

Брюнет уверенно кивнул и сказал:

– Вот, все как нужно сделали – один пшик из баллончика и я уже героически несу прекрасную девушку к выходу.

– Давай, герой, на стол ее. Время, – поторопил его высокий парень. – Мы все видели, как она невзначай потеряла сознание, а ты ее красиво понес на свежий воздух.

Павлов молча подошел поближе и смотрел, как его подчиненные проворно снимают с Ирины верхнюю одежду, ставят над столом биосканер и настраивают датчики.

– Проблемы были? – спросил Павлов.

– Нет. Начальство того торгового центра ведь к нам тоже когда-то обращалось. Понимающие люди. Их камеры даже не смотрели в ту сторону.

– Ах да, эти, – вспомнил Павлов, не отрывая взгляда от Ирины.

Его подчиненные лишь скромно заулыбались, заметив, как их почтенный старец смотрит на девушку, и продолжали настраивать аппаратуры.

На рыжие кудри надели тонкую сетку, на закрытые глаза положили мягкие диски, тонкие, белые пальцы вложили в контактную ткань.

– Эй, цепочку ееними, – указала девушка, ставшая за биосканером. – Фонит немного. Я плохо вижу ток крови, да и за плодом мне нужно посмотреть в оба.

Павлов остановил порыв высокого парня и сказал:

– Я сам.

Тот лишь пожал плечами и отступил к брюнету, который одел уже на свою голову нейрoанализатор.

Павлов оперся о край стола и наклонился над Ириной, стараясь не дышать. Его конечно больше волновала не цепочка – больше был нужен повод, чтобы дотронуться до кожи девушки. Брюнет бережно, двумя руками, приподнял ее голову. Несколько секунд подчиненные с нескрываемым любопытством наблюдали, как их начальник осторожно провел кончи-

ками пальцев по бледноватой щеке девушки. Потом снял с ее шеи тонкую серебряную цепочку. Брюнет, с легкой улыбкой, включил нейроанализатор и сказал:

– Ну, давайте аккуратненько, подключайте меня к ней.

Павлов со смешанными чувствами отошел от стола. В руке он держал еще теплую цепочку с простым камнем – малахитом-змеевиком. Руки все еще дрожали, хотя в таком возрасте это и не удивительно. Давно он не чувствовал себя так, как теперь.

Ему показалось, что он одновременно испытывает и жалость к девушке, и стыд к себе. А может, это просто были последние капли того, что некогда казалось неисчерпаемым источником. Последняя старческая симпатия к молодой женщине, которой, именно благодаря Павлову, сейчас старательно «промывают» мозги. Или все-таки – просто последний проблеск влечения?

Бросив взгляд на хлопчущую над Ириной группу, он положил цепочку в карман и с облегчением вздохнул. Это останется с ним, как память.

Теперь он знал точно, что не будет ничего предпринимать.

Он никогда не сомневался в работе своих подопечных. В них можно было быть уверенным. Лучше них в этом городе никто не работал.

Павлов знал, что Ирина очнется в своей машине рядом с домом, где она и Роман успели прожить почти три года. Она очнется с четкими мыслями, с чувством горечи и понимания, она помедлит несколько минут и потом выйдет из машины. Она возьмет себя в руки и взойдет на крыльцо и откроет двери. Она увидит Романа, и ни о чем не подозревая скажет, что ошибалась, что нельзя теперь, в наше время идти на поводу у старых обычаев, что она понимает стремления Романа и ничего не имеет против Анны. Все закончится хорошо. Их семья будет дружной. Ребенок Ирины родится в положенный срок и будет здоровым. Роман никогда не заикнется о том, что просил у Павлова. Он будет искренне любить своих жен. У них будет еще трое детей. Они будут воспитываться сообща и уж точно никогда не узнают о том, что когда-то давно, один старик фактически сделал их жизнь именно такой.

Что ж, подумал Павлов, надеюсь, что именно так все будет. Иначе, зачем было все это затевать?

Май 2008 г.

Дальние рейсы

*Немногие умеют быть стариками.
Ларошфуко*

Сколько себя помню, я часто задавался одним и тем же вопросом. Проходили годы, а я все не мог честно ответить самому себе – почему сорок лет назад я решил стать пилотом и пошел в Лётную академию. Да, окружающим я мог еще что-то там плести о романтике полета и прочем, но самого себя ведь не обманешь. Нет, мне, конечно, нравится летать, но вот все остальное...

Я имею ввиду все те проблемы, с которыми сталкивается любой пилот и командир современного авиалайнера – недовольные пассажиры первого класса, грубые пассажиры первого класса и неотесанные пассажиры первого и прочих классов, вечно требующие, чтобы их жалобы выслушал командир корабля. Мне жутко надоедала необходимость ходить при полной парадной форме – побрякушки делали меня похожим на опереточного офицера, ну знаете, как их там изображают – «ваше благородие» и все прочее. Но что ж поделать – компания, на которую я работал, очень славилась историческим шармом своих авиалайнеров – салоны самолетов так и цвели всяким антиквариатом, от портретов государей-императоров до настоящих граммофонов. Наша форма и то была стилизована под имперскую офицерскую форму. Правда, стюардессы наши щеголяли в полнее современных нарядах.

Никогда не любил того маскарада, но что поделаешь – контракт был контрактом, да и пенсия мне причиталась очень достойная по нынешним временам.

Но, хорошо, что все это теперь в прошлом. У меня теперь нет никаких пассажиров, а если бы вы были пилотами, то сразу бы поняли какое это счастье – возить болванки или редкоземельные металлы, а не толпу склонных к панике граждан. Да, но рейсы у меня теперь не в пример длиннее – Луна – Рея – Титан (надеюсь, вы знаете, что это спутники Сатурна).

Вы спросите, как я, обычный «атмосферник», пилот воздушного самолета, попал на грузовые трассы Ойкумены? Просто. Когда мне стукнуло пятьдесят семь, компания вежливо и почтительно отправила меня на пенсию. Но сидеть дома и ловить рыбку у пруда мне совсем не хотелось – пусть это делает мой старший брат с моим папашей, у них замечательно получается по шесть часов сидеть над поплавком. Мои дети давно выросли и разъехались, с женой я развелся за три года до этого.

Я был свободен от всего, что делал всю свою жизнь, от всех обязанностей. Сначала мне это нравилось, но прошла неделя, потом другая и мне стало откровенно тоскливо и просто скучно. Мне очень не хотелось стать обычным пенсионером, тем более что со здоровьем у меня было все в порядке – я ведь один из первых, чьи родители решили сделать ребенку процедуру ПМО. Еще раз спасибо за это моему прогрессивному отцу.

Сначала я пытался компенсировать тоску по работе общением с некоторыми миловидными девушками и женщинами-профессионалками. Но, честное слово, мне стало скучно после месяца такого разврата, а не потому что я уже ничего не мог. Алкоголизмом я тоже никогда не страдал. Что тут поделать, такой уж я старичок.

И в один дождливый день мне попалась на глаза наглая рекламная вывеска, порхавшая над тротуаром как назойливый комар. Я шел домой от своего старого знакомого, время от времени бросая взгляды на витрины магазинов. Прохожие привычно отмахивались от рекламы и шли дальше, не глядя. Но я остановился.

Вот то, что мне было нужно, и оно само лезло мне в лицо. Наверное, это был единственный случай, когда реклама действительно помогла человеку сделать правильный выбор.

Все дело в том, что в системе спутников Сатурна стали активно добывать редкоземельные материалы, а гелий – прямо из атмосферы этого красавца. И как всегда – не хватало пилотов грузовиков. Нет, конечно, автоматические грузовозы справлялись с задачами, но они были не так уж дешевы. Слишком уж часто эти электромозги, в условиях космоса, давали сбои и вместо того, чтобы довести грузы до Луны – взвивались над плоскостью эклиптики к чертовым бабушкам или расшибались о какой-нибудь камень в поясе астероидов. Ловить их и возвращать было даже дороже чем нанять живых пилотов.

А теперь по поводу рекламы – они приглашали любых пилотов на рейсы к Сатурну. Сама профессия комического водителя была не особо популярной, другое дело – пилот полицейских сил или астронавт-исследователь. Платили не так уж хорошо, но все же было неплохо. Но какой бравый двадцатилетний парень, скажите мне, с нормальными желаниями, решит добровольно, по несколько месяцев торчать в тесном грузовозе? Не забывайте и о всяких излучениях, которыми так богат наш добрый космос – в расцвете сил стать бесплодным никому не хотелось. Нет, таких было совсем немного – «дальнобойщик», это старое слово стало насмешкой над ними.

Когда я пришел в контору, чтобы разузнать все поподробнее, то с удивлением узнал, что таких боевых мужичков-старичков как я, здесь немало. Многие оказывались пенсионерами-пилотами. Некоторые имели «орбитальный» стаж – летали на трассе Земля – Луна. И все были не против поработать «повыше» – так мы называем пространство за пределами Земли и Луны.

Конечно, кандидатов сразу же стали дотошно проверять медики, я ожидал, что начнут забраковывать каждого второго. Но опять, к моему удивлению, все было не так. Брали почти всех – отбор прошел даже почти глухой китаец, водивший атмосферные самолеты, когда я только в школе учился. Другой, пришел с компенсаторами на руках и ногах – он явно страдал артритом. Да, его тоже взяли.

Когда подошла моя очередь, докторша, с золотым значком врача первой категории, с легкой ухмылкой взглянула на результаты анализов и медкарту. Затем она произнесла:

– Хочу вам сказать, что среди всех наших пациентов вы самый удовлетворительный.

– Спасибо за комплимент, мечтаю на старости лет посмотреть на Ойкумену, надеюсь, капитанские должности для меня найдутся, – я постарался говорить как можно галантнее, учитывая, что лежал я на осмотровом столе и ассистенты докторши водили надо мной биосканерами.

– Ну, я не против, – докторша не пожалела на меня стандартную ободряющую улыбку. – Остальное зависит от психолога и ваших успехов в учебе.

После обычных проверок у психолога я получил письмо с официальным приглашением подписать контракт на пять лет. Не особо сомневаясь, я подмахнул документы, остановившись ненадолго лишь на приложении «О последствиях...» – там довольно откровенно предупреждалось, что хоть невесомость и полезна для наших старческих костей, но последствия долговременных полетов могут сказаться на нас, когда мы снова ступим на грешную матушку Землю. Все и так прекрасно знали, что чем больше вы проводите при пониженной гравитации или невесомости, то тем сложнее вам вернуться к обычной, земной. А как возвращение может сказаться на пятидесяти-шестидесятилетних? Не особо приятно.

Нашу группу из двадцати пяти бывших военных летчиков и гражданских пилотов, отправили в учебку. Я сразу вспомнил свою Летную академию, приятно было снова немного посидеть за партами и вспомнить молодость. Пол года мы зубрили все, что теоретически нужно пилоту космического грузовика – астрономию, теорию гравитации, устройство наших кораблей, Международный закон космоплавания и прочее. Ничего сложного если у вас уже есть опыт и ваши мозги не очерствели от будничной жизни. Преподаватели были иногда даже младше нас самих.

Как мои родные отнеслись к моему поступку? Моя дочь была в шоке, но смирилась – ведь знала, что папаша упрям и если уж что-то делает, то делает до конца. Сын меня понял быстро, мы выпили с ним по кружке хорошего пива и пообсуждали политиков. Он пожелала мне удачи, пообещал, что приедет ко мне на Лунную базу, как только я вернусь из своего первого рейса к Сатурну. Моя бывшая супруга никак не отреагировала на мою новую работу. Но, я на нее за это не в обиде. Одна из моих внучек, просто золотой ребенок, прислала мне (перед тем как нас, старых развалин, должны были отправить на Лунные учебные полигоны) интерактивную открытку с подписью «Мой дедушка – лучший космонавт». Я даже прослезился, читая ее, хорошо, что меня тогда никто не видел.

Если быть честным, то до этого в космосе я был всего один раз – как турист. За десяток лет до этого я летал с женой на Луну, в ее Исторический сектор.

Следующие полгода мы провели на Луне, осваивая управление грузовозами сначала на симуляторах, затем на практике, с инструкторами. Опытный пилот легко освоится с управлением этими машинами. Нас также тренировали для резких маневровых перегрузок – удивительно, но по состоянию здоровья выбыло только двое. Не буду хвастаться, что я легко переношу непривычность малой гравитации, ее отсутствие (в учебных полетах) или те явления, когда вы делаете резкий аварийный маневр и кажется, что все ваши внутренности решили сбежать из вас самым неприятным способом. В такие моменты я благодарил науку и родителей, за то, что сделали меня таким крепким дедушкой, и кровоизлияние в мозг или сердечный приступ мне не грозит, по крайней мере еще лет двадцать. Артритный пилот, о котором я говорил, прекрасно справлялся с управлением грузовика и даже оказался вполне хорошим приятелем – мы с ним в выходные любили побродить по паркам Центрального лунного поселения и поболтать о всяком. Кстати, пониженная гравитация оказалась особо полезной для него, здесь он мог даже прыгать через голову, не опасаясь сломать себе шею.

Спустя положенный срок мы сдали смешные (для нас, ветеранов) экзамены и стали официальными пилотами грузовозов класса «Иоганн Кеплер». Пусть это не в тему, но я так и не понял, какое отношение этот немецкий астроном имел к тяжелым грузовикам.

После короткого отпуска на Землю, где я провел замечательные три дня с семьей моего сына, я вернулся на Луну.

Пусть на мне теперь была довольно скромная синяя форма второго пилота грузового транспорта, но нашивки ветерана «атмосферника» все же грели душу. На лунной базе, кстати, совсем не много молодых работников и пилотов – все здесь люди опытные и проверенные.

Мой первый полет к Сатурну длился всего три месяца. Топливо на ускорение мы не жалели – все-таки «Кеплер» не старая развалина с жидкостными двигателями. В экипаже было трое человек – капитаном я тогда не стал, моим начальником был сорокалетний Рихард, коренной житель Луны, там родившийся и считавший ее своей родиной, а на Землю ему было даже плевать. Рихард летал на торговых маршрутах с юношеских лет – такой уж он был фанатик своего дела. Он мне много чего успел рассказать об особенностях космической перевозок и проблемах с системами корабля. За это ему большое спасибо.

На Рее, каменистой планетке, было крупное поселение, где нам, наконец, можно было вволю поболтать с другими людьми, а не друг с другом, найти интересную даму или просто выпастыся в нормальной местной гостинице. Местные рабочие, хмурые и жесткие горняки, практически все родом из Поднебесной, не особо уважали «дальнобойщиков». Это я узнал, необдуманно заглянув в один кабак. Вовремя унести ноги я смог благодаря бармену, которому ужасно не хотелось сегодня писать объяснительную местным властям, по поводу драки. Он просто ясно намекнул, куда мне стоит идти для общего добра.

И еще одно, только здесь, на краю света, я с удивлением обнаружил, насколько влиятельной организацией была «Алая роза». Да, конечно, кто не слышал о ней, но, слушая новости и читая газеты нельзя узнать как оно на самом деле. Ну, если вы так уж юны и не знаете что

это за контора, то я объясню. «Алая роза» начиналась как скромная фирма по предоставлению интимных услуг первым экспедициям горняков и промышленников на такие задворки Солнечной системы как Рея или Ганимед. Девушки и женщины стали не просто проститутками для истосковавшихся шахтеров, по два-три года вкалывающих на промерзших планетках, они стали стратегическим фактором в экономике Ойкумены. Ведь понятно, что единицы горняков брали с собой семьи – и дорого и масса неудобств с жилплощадью. Местное начальство, по своей наивности, легко доверилось «Алой розе», и само пользовалось ее услугами. Потом оно очень пожалело об этом.

Чем больше для промышленности Земли и Луны требовались редкоземельные материалы и гелий, тем важнее становилась бесперебойная работа шахт и насосных станций. И сначала шахтеры, и их профсоюзы, смекнули, что могут шантажировать свое начальство – начались забастовки с требованиями улучшить условия труда и отдыха. От кошмара убытков руководство решило спастись с помощью «Алой розы». Предоставив горнякам больше выходных дней и возможностей посетить дам.

Эта фирма оказалась очень прозорливой. Ее девушки были не просто профессионалами в своем деле, но и умными, умеющими слушать и постоять за себя без посторонней помощи. Соблюдение правил «оказания услуг» соблюдалось едва ли не строже чем правила личной гигиены. Не в меру пылких или грубых горняков могли просто найти мертвыми в ближайшем коридоре. Это вызывало уважение к дамам из «Алой розы» среди рабочих. Спустя всего пять лет после начала своей деятельности на спутниках Сатурна, Юпитера и на Марсе, «Алая роза» используя почти полную монополию на живую женскую ласку, смогла влиять на поведение профсоюзов горняков, а значит – этим можно было влиять и на руководство добывающих компаний. Своеобразная система, где за «правильное поведение» профсоюзный начальник на Рее мог получить больше внимания, чем полагалось, оплачивалась не сколько деньгами сколько проталкиванием интересов «Алой розы» в экономике.

Свободные средства фирмы вкладывались в акции горных компаний плюс спекуляции и в итоге, оказалось, что, например, половина всех шахт на Рее фактически принадлежит «Алой розе». У этой фирмы появился даже свой собственный небольшой грузовой флот – весело и фривольно размалеванные корабли, так и сверкающие на наших мониторах или в иллюминаторах.

Один журналист даже в шутку отметил, что теперь все пространство за орбитой Марса можно называть «Поясом Венеры». А один простой горняк сказал проще: «Лучше уж пусть б... управляет мной, пусть она трахает меня, а не старое начальство».

Так вот, я возвращаюсь к своему удивлению. Руководство «Алой розы» не терпело никаких иных форм интимных отношений кроме традиционных, ведь это могло угрожать их монополии. Негативное отношение было даже к интимным роботам, их постарались всех найти и выкупить (или конфисковать). За годы своей деятельности «Роза» даже создала обычай, строго соблюдавшийся среди шахтеров – если среди них заводился «нестандартный» человек, о нем тут же следовало сообщить фирме – увольнение и отправка на Землю без пособия ему была гарантирована. Я сам видел как публичное собрание профсоюза одного из поселков, бурно поддержало решение чиновника «Алой розы» выслать к Земле одного горняка из Поднебесной, за нетрадиционные склонности. К моему неудовольствию, его решено было отправить нашим грузовозом. Хорошо еще, что его транспортировали как «мясо» – то есть усыпленным в камере гибернации (так дешевле – не ест, не пьет, дышит мало).

К сожалению, назад мы отправились без Рихарда. А точнее – с его телом. Бывает, что даже опытнейшему пилоту может очень не повезти. Ирония судьбы – великий воин умирает оттого, что упал на прогулке с лошади. А наш капитан умер такой же нелепой смертью. За день до отправки, когда наши отсеки уже заполнили слитками самых дорогих металлов, Рихард немного перебрал. Он ввязался в перепалку с парочкой крепких бурильщиков, только что вер-

нувшихся со смены и жутко злых на какие-то неполадки в гидравлике. Одна крепкая бутылка и перочинный нож местного производства решили судьбу Рихарда. Назад мне пришлось везти завернутое в фольгу тело бывшего капитана. Когда-то лет двадцать назад мне приходилось возить на борту самолета трупы жертв теракта, но чтобы везти труп человека, с которым я успел подружиться – это признаюсь, было тяжело. Несколько дней я постоянно вскакивал среди ночи, но потом все успокоилось – я, наверное, просто привык. Ведь привыкнуть можно ко всему.

Полет продолжался.

Где-то у орбиты Марса мы получили по жилой части грузовика микрометеоритом – не самая страшная вещь, оболочка корабля способна затягивать мелкие пробоины в секунды. Но этот мелкий камешек попал в дублирующий компьютер, что лишило нас возможности играть в вирт-игры.

Но все завершилось нормально. Двигатели работали на полную тягу. Мы вернулись на Луну, разгрузились, сдали труп бедного Рихарда и «мясо», а после медобследования отправились в свой трехнедельный отпуск.

2.

Я семь месяцев не был на Земле, и это давало о себе знать. Мне не сразу удалось привыкнуть к ее тяжести. Несколько дней меня мутило от местной воды. Хорошо еще, что я не прекращал физические упражнения во время полета, так что моя родня встретила меня с воплями: «Боже, ты так хорошо выглядишь», «дедушка, а ты что, на курорт ездил?», «деда, а правда что если выйти в космос без скафандра, то у тебя глаза закипят и ты разлетишься на куски».

Как сувениры я привез внукам камни с Реи, которые купил у одного шахтера за смешную сумму – на Земле я мог бы попробовать продать их за сумму в двести раз большую. К моему удивлению на ужин, в честь моего возвращения живым и здоровым, прибыла и моя бывшая супруга. Мы с ней мило пообщались ни о чем.

Затем я целый час рассказывал за столом байки, услышанные от шахтеров и работников на Рее и Луне. Некоторые из присутствующих многого не поняли и мне пришлось объяснять об особенностях жизни на спутниках Сатурна.

Например, на Рее было популярно выражение «Ну, за работу Пыльного Копателя», так местные поминали своих погибших на работе друзей. Пыльный Копатель – такой себе призрак шахтера-первопроходца. За десятилетия разработки рудников там погибло не менее семи сотен горняков. А Копатель был одной из первых жертв – местный фольклор сделал из реального бедняги мрачного духа, заботящегося о покое умерших шахтеров.

Потом кто-то спросил меня о Рыжем мхе, слышал ли я что-то о нем там. Я сказал правду – нет. Байки о некоей растительной форме жизни на Титане были байками интересным только на Земле. На самом Титане все было мертвее некуда.

Затем я рассказывал о Монументах, на Рее, которые кто-то сдуру принял за руины древних городов. Сам я их в глаза не видел, но просто как-то зацепил эту тему. На последок рассказал о «Неваде» – легендарном корабле, который семьдесят лет назад прибыл к Сатурну, но так и не смог вернуться назад. Его экипаж погиб, а сам корабль навсегда остался на орбите вокруг газового гиганта – как памятник той экспедиции.

Только теперь я понял, что брякнул лишнее – на меня смотрело два десятка пар глаз, смущенных и озадаченных.

Я уже вернулся с отпуска – приятно было возвратиться в невесомость после достаточно сложных недель на Земле. Я как мог, не показывал своим родным насколько мне нелегко гонятся за внуками.

Меня ожидала новость – кто-то из начальства решил, что у меня и так достаточно опыта, чтобы быть капитаном «Кеплера». Меня быстро назначили им, приложив к этому скромный ромбик на парадную форму и символическую надбавку к жалованию.

В подчинение мне дали двух человек – слишком разных не только по характеру, но и по уму. Это мне создало настоящие проблемы. Наверное, компания слишком торопилась с доставками, и в итоге элементарно не проверила на совместимость психологические карты моих новых подчиненных.

Но тогда меня это не особо волновало. Я, старый дурак, был полон оптимизма – этого у меня всегда хватало.

Первого звали Матиас, на вид – настоящий индеец, откуда-нибудь из американской Монтаны или Орегона. Возрастом он был с меня, но держался явно с военной выправкой. Насколько я понял из его дела, он был летчиком суборбитальных сил – эта контора могла доставить десант или груз в любую точку Земли за полтора-два часа.

Второй – Челик, пятидесяти лет, с турецкими корнями. Я так и не смог тогда вытащить из него внятное объяснение, зачем он нанялся на такие дальние маршруты. Он смутно сказал, что нужны деньги, да и посмотреть на новые уголки хочет.

«Кеплер» давно уже ждал, когда его поднимут в пространство. На орбите вокруг Луны нас дожидалось десять автоматических барж. Все они должны были последовать за нашим головным кораблем цепочкой. У нас, пилотов, такой строй назывался «утята». Считалось, что это самый эффективный способ доставить максимальное количество транспортников за минимальный срок. Ну, во-первых, в таком случае у кораблей меньше шансов сбиться с курса и потеряться – если бы автомат летел к цели сам, то ему постоянно нужны были бы сложные корректировки и дорогие приборы для дальней прокладки курса, а так хватало самых простых устройств, позволявших просто строго следовать цепочкой и потом затормозить на месте прибытия. Во-вторых, в Системе появились вороватые пилоты-контрабандисты, любившие подкараулить автоматические грузовики и перехватывать их. Одним словом – мы вели караван из десятка барж. Весь караван, выйдя на курс, вытянулся на пятьсот километров. В трюмах было полно всякого добра для орбитальных комплексов Сатурна и научных поселений – от одежды и тюков тканей до бытовой техники и телескопов. Назад мы должны были привезти металлы в слитках, руду и гелий.

3.

Все знают, что экипажам запрещено брать с собой домашних животных. Но всегда найдется лазейка, с помощью которых можно обойти правила.

Некоторые брали с собой ручных крыс, предварительно оформив их как груз (на имя своих знакомых в пункте назначения). Один умелец даже протащил на борт кота – с помощью ветеринара и препаратов придав животному вид чучела. Не знаю, как там у них получилось ввести кота в ступор и заставить его не дышать, но тот потом спокойно катался на дальних трассах несколько лет. Животное даже смогло привыкнуть к невесомости.

Матиас был скромнее – он взял с собой мелкую аквариумную рыбку. При наших условиях работы и жизни, эта мелочь жила в сфере диаметром тридцать сантиметром. Часто я видел как этот «аквариум» плавал где-то под потолком, его стенки были эластичны, так что никакой удар не грозил расколоть жилище рыбки. При маневрах грузовоза, он больше походил на мяч, который Матиас старался сразу в таких случаях поймать и спрятать в надежное место. Я время от времени ворчал, что его рыбка быстро станет свежемороженой, если он не прекратит бросать «аквариум» где попало.

Как Матиас кормил свою живность или менял ей воду это отдельный разговор. Но я не буду на этом здесь останавливаться.

У марсианской орбиты нам встретился маленький челнок полицейских сил.

Я как раз только закончил умываться (формально было утро). Шарик воды все еще летали в воздухе ванной комнаты. Мое бородатое отражение в зеркале выглядело вполне прилично. Я немного отступлю от темы, вы уж извините. Бороды – это особая статья. Вы когда-нибудь пробовали бриться в невесомости? Это просто кошмар! Волоски потом можно найти во всех вентиляционных фильтрах, они даже мешают дышать. Вот почему шутили, что бритье смертельно опасно для пилотов космических кораблей. Поэтому, как вы понимаете, мы все, были владельцами густой щетины.

– Капитан, там вас требуют на связь, – крикнул мне Челик на общеанглийском. – Какой-то патрульный.

– Иду, – ответил я, на всякий случай прихватив форменную рубашку, правила требовали полной формы при общении с патрульными. В остальное время полета мы вполне обходились майками и шортами.

Проплыв к отсеку управления я краем глаза заметил, что Матиас снова ковыряется во внутренностях очередного очистителя воды – они постоянно выходили из строя.

Сев в кресло пилота я кивнул Челику. Он включил видеосвязь – еще одно правило, общение с властями должно всегда быть визуальным.

– Патруль примарсианского сектора, пилот-лейтенант Нагива – сухо представился человек на развернувшемся экране. – Вы капитан Юров? – получив утвердительный ответ, он продолжил. – У вас есть для нас груз?

– Груз? А у вас есть пароль? – спросил я.

Патрульный без запинки продиктовал десятизначный код. Все было верно.

Об этом массивном контейнере в трюме нашего «Кеплера», я узнал за час до отлета. Личное сообщение гласило, что его должны получить полицейские в районе орбиты Марса. До сих пор не знаю, что там было, но наверняка не фрукты. Если уж патруль желает получить что-то не слишком законное, то такое глухое пространство как сейчас, самое удобное место.

– Ясно, – вздохнул я. – Борт, – на такое имя отзывался корабельный компьютер. – Катапульту правого борта в активный режим. Загрузка контейнера 209045. Рассчитай корректировку, тормозить мы не будем.

Выстрелить из катапульты несколькими тоннами, при нашей скорости, означало придать хороший боковой импульс, поэтому на компьютер была вся надежда по корректировке – ведь на хвосте мы тащили кучу туповатого железа, туго реагирующего на нестандартные ситуации.

Через несколько минут патрульный сказал:

– Мы готовы принять, выстреливайте.

Челик что-то хмыкнул себе под нос.

Чувствительный боковой толчок означал, что контейнер ушел в свободный полет. Полицейские должны были теперь его догнать и подобрать.

– Спасибо, чистого пути, – коротко попрощался патрульный.

– Удачи, – кивнул я, отключаясь.

Спустя несколько дней мы сидели в нашей скромной кухне-столовой.

По утрам, во время завтраков, мы завели небольшое полезное правило – включать на полчаса главные двигатели на самую малую тягу. Это давало минимальную силу притяжения. Тарелки со стаканами не летали по комнате, а горячий кофе можно было спокойно пить, а не потягивать трубочкой из закрытого стакана. На нашу скорость это практически не влияло и наш караван не отставал, зато наши завтраки были достаточно удобными, а значит – и настроение хорошим.

Но, конечно были свои минусы.

Челик снова завел свою любимую тему – почему это в торговом флоте до сих пор не завели гравитационные полы. Эти устройства повсеместно есть в научных кораблях, но не в торговых. Говорят, что некие умельцы даже приспособили такие полы для танцплощадок на Земле, и эта мода может стать повальной.

Я терпеливо слушал минут пятнадцать, усердно пережевывая котлеты. Как по мне так невесомость куда лучше, чем эти гравиполы – они пожирают такое количество энергии, что хватило бы на освещение небольшого города.

Матиасу тоже эта тема давно надоела, но он терпел. Терпел четыре недели. До сегодняшнего дня.

– Слушай, – раздраженно произнес он. – Ты можешь сменить тему?

– Что? – нахмурился Челик. – Я что, неправду говорю?

– Нет, ты просто достал меня одним и тем же, – Матиас звякнул вилкой по столешнице. – Постоянно только и слышно как ты ноешь.

– Ною? – в глазах Челика блеснули нехорошие искорки. – А ты себя слышал? Вождь. Постоянно мне рассказываешь про своих жен бывших. Ты думаешь, ты такой невероятный мужик? – От волнения и обиды он сорвался на турецкий, добавив несколько предложений, которых ни я, ни Матиас, к счастью, не поняли. – Да мой дядя в свои восемьдесят в два раза больше имел жен.

– Эй, успокойтесь, старички, – попытался я урезонить их. Но, к сожалению, грозно кричать на подчиненных мне никогда особо не удавалось. Не было у меня таланта грозным взглядом утихомиривать легионы.

– Так ты говоришь, что я вру? – Матиас явно напрягся. – Повтори, давай.

Я вдруг с опозданием понял, что мой экипаж вот-вот устроит потасовку с участием столовых приборов.

Первое, что пришло мне в голову в эти секунды, было довольно нелепым ходом, но это помогло. Конечно, это был совсем не командирский поступок, но что тут поделаешь теперь.

Схватив со стола кувшин с минеральной водой, я, не раздумывая, выплеснул половину в лицо Челика, уже привставшего над столом. Остаток получил Матиас, успевший даже отпрянуть назад.

Оба они, с замешательством, несколько раз ругнулись на своих локальных языках. Затем бросили друг на друга красноречивые взгляды и снова сели за стол.

Теперь я понял, что если бы бросился разнимать их в драке, то точно бы отлетел к стене – Матиас был и выше и крепче меня.

Вытирая тряпкой разлитую по столешнице воду, Челик буркнул:

– Извините, погорячились.

– Обстановка, сами понимаете, – добавил Матиас, как ни в чем не бывало.

– Надеюсь, это был последний раз, – сказал я как можно тверже, а внутри все так и сжалось от страха, что они опять могут сцепиться. – Вы что, в молодости мало по черепам получили?

Это был риторический вопрос.

В эту ночь я спал как убитый – для спокойствия проглотил снотворное. Вахта у приборов досталась Челику. А в его способности нажимать на сенсоры и болтать с Бортом я не сомневался.

И с утра я думал как-то туговато, видно не рассчитал дозу препарата. Умывшись кое-как, я как всегда придиричиво осмотрел свою седую бороду. Потом, зевая, заглянул в наш пилотский отсек и сразу проснулся. Мониторы лениво меняли какие-то картинки, прямо в воздухе плавала дужка рации. На вахте никого не было.

У меня перед глазами проскочили жуткие картины – мой экипаж мог спокойно перегрызть друг другу глотки пока я халатно дрых, Матиас мог просто выкинуть Челика через стыковочный шлюз.

– Борт, – произнес я слегка дрожащим голосом. – Найди Челика или Матиаса.

– Найдено, – произнес голос компьютера.

– Кого именно? – рявкнул я, лихорадочно соображая, что нужно делать в таких случаях.

– Обоих, – ответила машина.

– Мать твою, кремниевую, – выругался я. – Где они?!

– Лазарет, – Борт почему-то не любил длинные ответы.

Я как можно быстрее направился в лазарет, отталкиваясь от стен и помогая себе руками. Несколько раз пришлось больно задеть торчащие в самых неподходящих местах переборки. Я ожидал чего угодно, но не то, что я там увидел.

Челик лежал на медицинском столе и сдавлено ругался. Он был гол по пояс. В воздухе стоял неприятный запах живого пластыря и заживляющих препаратов. Несколько мелких капелек крови, подрагивая, плыли по воздуху. Матиас, склонившись над раненой рукой Челика, орудовал пинцетом – он по совместительству был и врачом экипажа.

Увидев меня и мое, наверняка, испуганное лицо, Челик улыбнулся на все тридцать два и бодро произнес:

– А, капитан, проснулись? А мы тут немного продырявились. Вы уж извините, что я вахту бросил, но это было дело чести.

– Чтоб вас всех... – я облегченно вздохнул. – Что с ним?

– Ударился о край одного контейнера, – как ни в чем не бывало, произнес Матиас. – Вы же понимаете, как в невесомости трудно правильно махать руками.

– Да, капитан, – добродушно засмеялся Челик. – Оказывается удар в челюсть опаснее для того, кто бьет, а не тому, кого бьют.

– Не спорю, – Матиас поднял голову, и я заметил на его скуле свежий кровоподтек. – Нужно было малую тягу включить, тогда бы легче было.

– Ясно, – я представил, как они в грузовом отсеке договариваются устроить драку, и какие кульбиты совершают от ударов в невесомости, и мне непроизвольно стало смешно.

После этого инцидента, к счастью, мой экипаж больше не пытался устраивать потасовки – наверное, им хватило заработанных синяков и ран. Оказывается, что иногда, совсем немолодые мужики способны выкидывать такое, что можно назвать их зелеными юнцами.

Брошенная вахта конечно серьезный проступок, но кто о нем знает кроме нас самих – все-таки вокруг каравана глухое пространство.

И к своему сожалению, я понял, что я плохой капитан грузовоза. На атмосферных лайнерах все было не так – там капитан и команда работали не больше суток, а потом отправлялись в выходные. Здесь же от команды никуда нельзя было деться. Хороший капитан не допустил бы даже попытки устроить драку и смог бы примирить стороны, подавив недовольство на корню, или как хороший дипломат – уступками и договорами.

Мы преодолели две трети пути, когда появились новые проблемы.

Я сидел на вахте и читал что-то из электронной библиотеки. Время от времени заглядывал на мониторы – пусть Борт и прекрасно следил за пространством и датчиками, но все же... Час назад мы разминулись (по космическим меркам пройти в пяти тысячах километров от другого корабля это и есть «разминулись») с таким же грузовозом, шедшим с Титана. Пилот того корабля так плохо говорил на общеанглийском, что я с трудом понял его приветствия, мне показалось, что он пьян.

Когда я уже почти закончил очередную главу резкий сигнал резанул уши. Потом Борт без эмоций произнес:

– Капитан, у вас проблемы.

Я чуть не подскочил от такого. На секунду показалось, что у компьютера появилось чувство юмора.

– У меня? А может у нас? – спросил я довольно безразличным тоном.

– Нет, у вас, – повторил компьютер. – Хотите знать почему?

Я мысленно сказал все, что думаю об этом электронном умнике – не люблю в голос ругаться, только если вынуждающие обстоятельства.

– Говори, – сказал я.

– Я проверил соответствие содержимого контейнеров транспортным декларациям, – не часто, до этого, компьютер изъяснялся такими длинными предложениями.

– Ну и? – такую процедуру всегда делали за пару недель до выхода на пункт назначения, формальность, но неотвратимая.

– Я обнаружил три несоответствия, а одно из них может напрямую угрожать вашей работе.

– Странная забота, – я и правда удивился словам Борты.

– Я довольно опытный. До вас сменил восемь капитанов, – ответил Борт. – Мне не особо нравится их постоянные перетасовки. Слишком часто приходится приспособливаться.

– Ого, – ухмыльнулся я. – А ты, оказывается, не так уж прост, Борт. Так что за проблема?

– На 70 процентов я уверен, что в контейнере биопродукты, запрещенные к вывозу с Земли.

– Почему ты так уверен?

– Датчики в грузовом отсеке постоянно фиксируют небольшое повышение аммиака и сероводорода в воздухе. Но системы корабля работают нормально. Я несколько недель наблюдал за контейнерами, вычисляя какой из них мог быть источником.

– А что в декларации по контейнеру?

– Синтетические удобрения для оранжерей.

– Не вот, разве удобрения не могут быть в неплотной упаковке, и скажем так – вонять, – я улыбнулся собственному нелепому остроумию.

– Возможно, но они уж точно не могут издавать звуки, – компьютер явно до этого скрывал свое чувство юмора.

– Запись есть? Давай послушаю.

Динамики выдали какой-то невнятный шорох, как будто кто-то осторожно скребся о стенку. Иногда поскребывание сменялось торопливым шорохом, как будто кто-то мелкий и пугливый пускался на утек.

– Что это, по-твоему? – спросил я у машины.

– Мало информации, – ответил Борт. – У меня нет рентгеновских сканеров, только инфракрасные фильтры на камерах. Если хотите, проверьте контейнер сами.

Я задумался. Все-таки взламывание запечатанного контейнера – вещь посерьезнее оставленной вахты. А если там действительно опасная контрабанда? Моей работы мне совсем не хотелось лишаться. Сидеть в камере тоже. Можно было списать такой груз по статье «природные факторы» – иногда, когда метеорит попадал в трюм и разносил сразу несколько контейнеров, экипаж мог спокойно выкинуть их за борт (лишний груз который все равно никто уже не примет), предварительно, конечно, составив убедительную разъяснительную.

Я вывел на экран трехмерный план отсека. Что-то было не так с одним из средних контейнеров, которые обычно крепят в хвосте – они по массе меньше, а значит и инерция от них (при маневрах) меньше. Потом я включил одну из камер и несколько секунд с недоумением смотрел на экран – ничего не увидел особенного, обычный серый контейнер, прикрепленный к полу гидравлическими зажимами.

Вызвав на связь Матиаса, я попросил его занять мою вахту – Борт все-таки правильно советовал мне пойти и самому посмотреть. В коридоре, в очередной раз оттолкнув подальше «аквариум» с флегматичной рыбкой, я надел теплый комбинезон – мы не тратили на обогрев грузового отсека прорву энергии – и поторопился к шлюзу. Из ниши рядом с ним, я взял фонарь и закрепил его на плечевой петле.

Индикаторы в шлюзе показали, что давление в грузовом отсеке чуть меньше нормального – это было вполне обычно. Ну, терпимо, мне нужно было всего несколько минут там пробыть.

Мягко вплыв над грубым железным полом грузового отсека – да, чуткая рука дизайнеров никогда не касалась этих хмурых помещений, высотой в двадцать метров – я сразу прислушался. Воздух был холодным, судя по показаниям термометра – минус пятнадцать. На контейнерах виднелась изморозь. Где-то гудели вентиляторы, потрескивали контакты в дежурных лампах над головой.

Сверяясь с планом, я добрался до нужного контейнера – высотой почти в два метра. Он не был облеплен инеем как прочие. Он был даже слегка теплым. Я даже руку вынул из перчатки и подержал на его поверхности.

– Борт, – тихо сказал я.

– Да, – прозвучал его голос в наушнике (в трюме динамиков не было).

– Дай мне связь с Матиасом и разбуди Челика.

Нет, не могу сказать, что я сильно уж колебался, что делать с этим странным контейнером – в наше беспокойное время гораздо разумнее точно узнать что там, чем мучительно догадываться до самого конца. Если сопроводительные документы ввали о содержании, это уже говорило о многом. По крайней мере, для нас.

Челик, от рассказанного, даже заметно повеселел, оказывается ему давно уже казалось подозрительным, что у нас за весь рейс не было никаких проблем с грузом или караваном.

– Значит, будем открывать, – кивнул Матиас.

Времени у нас на решение этой проблемы было не так уж много – через трое суток мы пересечем условную границу сатурнианской экономической зоны, где к нам тут же нагрянет таможня. А уж эти ребята умели быстро и эффективно прочищать огромные грузовозы от контрабанды.

По нашей просьбе Борт повысил до обычного уровня давление в трюме и температуру градусов на двадцать – обмораживать уши нам совсем не хотелось. Малая тяга двигателей позволяла нам кое-как ходить, а не плыть по воздуху.

Челик, Матиас и я взяли в руки по обычному и крепкому лому (они всегда были в пожарном наборе) и осторожно приблизились к контейнеру. Челик даже приложил ухо к нему и минуту слушал. Затем он пожал плечами и нанес несильный удар по магнитной полоске опечатывавшей замок. Каждый из нас примерился и налег ломом на зазоры.

Стенка контейнера, немного посопротивлявшись, с гулким звуком и неестественно медленно, упала на железный пол. Мы зажали носы от резкого запаха, обрушившегося на наши ноздри.

– Ох, шайтан, – Челик отбежал от контейнера на несколько метров и попытался отдышаться, судорожно глотая ртом воздух.

В воздухе теперь летала пыль, похожая на мелкие остатки перепревшей травы.

Матиас, зажав нос пальцами, нацелил луч фонаря внутрь – там стояли прозрачные ящики, также было много переплетенных трубок и каких-то устройств.

У меня стала кружиться голова от запаха и показалось, что я вот-вот грохнусь в позорный обморок. Пришлось отступить метров на восемь и посидеть на холодном полу, пока в голове не прояснилось.

– Эй, капитан, – голос Матиаса был подозрительно весел. – Посмотри, иди.

Я заглянул в контейнер, где Матиас и Челик сидели на корточках у прозрачной стенки одного из ящиков.

– Ты посмотри, какая тут система устроена – и аппаратура подачи кислорода, корма, циркуляция воды и обогрев – указал он на технику, которой был забит контейнер. – Датчики давления, влажности.

Я наклонился и присмотрелся к прозрачному ящику – в нем, в лучах фонарей, проворно бегали крупные, блестящие тараканы.

– Так, я, кажется, догадываюсь, – осторожно начал Матиас.

– Ну? – Челик мерно отхлебывал из огромной кружки кофе, ничуть не брезгуя тем, что только что вскрывал контейнер полный тараканов.

– Это, судя по всему искусственный вид. Инженерная работа.

– Ну и что? – пожал Челик плечами. – Мало там лабораторий на Титане или где еще. Может они хотят ими заселить там все, чтоб размножились и прочее.

– А что они жрать там будут? Камни или ученых? – усмехнулся Матиас. – Там же нет никаких растений.

Я молча слушал и время от времени поглядывал назад, где в герметичных ящиках беззаботно шевелило усами сытое и здоровое тараканье племя.

– Ну откуда я знаю? – Челик даже развел руками, пролив кофе на пол.

– Капитан, пункт назначения этого груза – Рея? – спросил Матиас.

– Да, – кивнул я. – Думаешь это...

– А разве нет? – перебил он. – Вы посмотрите, как позаботились об этих жуках. Автономная система питания! Вы где-нибудь еще такое видели для тараканов? Кто-то очень хотел, чтобы никто из них не сдох. Знаете, что особо дефицитно на Рее и вообще в поселениях спутников Сатурна?

– Зерно, хлопок, да и просто любые растения пригодные в пищу, – вспомнил я, как прошлый раз в кафе Реи заламывали огромные деньги за обычный салат.

– Вот то-то и оно. Они ведь только недавно там стали выращивать, и сразу импорт продуктов упал, – ухмыльнулся Матиас. – Кто-то понес большие убытки.

– Биооружие, – озвучил я вывод.

– Они ядовитые? – у Челика округлились глаза.

– Да нет, – успокоил его Матиас. – Их хотели тихонько привезти и распространить по фермам. Понял? Наверняка эти усатые особо любят свежую зелень. Обычная торговая война с грязными методами.

Я снова взглянул на тараканов – жаль, что они не знают, что участвуют в таких масштабных вещах, как борьба за рынки сбыта.

Решение избавиться от опасного для нас контейнера (и невольно помочь поселенцам отразить коварный удар пищевых компаний), мы приняли сразу, но вот способ избавления заставил нас подумать.

Начальство любит логически продуманные и четкие отчеты, сияющие лаконичностью и информативностью. К сожалению, мне, как капитану грузовоза, пришлось сутки просидеть над столом и монитором, пытаясь сочинить правдоподобную версию, пока Челик и Матиас усердно корпели над материализацией «природного фактора». Борт время от времени сообщал нам, что до контрольной точки, за которой к нам обязательно нагрянут таможенники, осталось не больше двух суток. Он конечно, как мог, притормозил полет «Кеплера» – с караваном на хвосте это отнюдь не легко.

Спустя девять часов напряженного труда им удалось смастерить дикую конструкцию из запасного маневрового двигателя, нескольких металлических болванок, корректирующих зарядов и блока управления. Борт сказал, что этой массы вполне хватит. Челик сразу повалился без сил и проспал часов одиннадцать. Матиас держался дольше, он даже вернулся на пост управления, чтобы наблюдать апогей нашего жульничества.

Без особых эмоций мы смотрели, как Борт вывел в космос эту дикую конструкцию. По его точным расчетам наш фальшивый метеорит описал длинную петлю над «Кеплером», разогнался и вклепил по грузовому отсеку в точно обозначенном месте. Мы заблаговременно пристегнулись в креслах, но ощутили значительный удар.

Борт немедленно загерметизировал пробоину и провел инвентаризацию трюма – восемь сильно поврежденных контейнеров, а наша цель – превратилась в кучу раскаленных от удара обломков.

Матиас неожиданно тихо засмеялся. Я вопросительно посмотрел на него.

– Знаете, а мне вдруг этих тараканов жаль стало, – сказал он и снова захохотал. – Вот чуть-чуть, – Матиас даже хлопнул себя по коленям. – Ни за что ведь ребята издохли.

Когда мы поспешно сделали снимки «места происшествия» для объяснительной, изувеченные контейнеры и их куски были выброшены, наконец, в космос. Быстро удаляясь, они становились все меньше, а затем вообще исчезли на фоне россыпи звезд.

Матиас с облегчением зевнул, попрощался со мной и пошел спать.

Я еще посидел над окончательным вариантом объяснительной и уже собирался отправить ее к Земле, но тут понял, что те, кто очень хотел доставить этот тараканий контейнер на Рею, уж точно могли позаботиться о проблеме с таможней. И вполне вероятно, что мы зря волновались и разыгрывали попадание метеорита. Кто знает. Я, во всяком случае, ничуть не жалею об этом происшествии.

4.

Наш полет закончился вполне спокойно. Таможенники не стали особо приставать к нам с расспросами о повреждениях в трюме – пространство вокруг Сатурна всегда было замусорено, даже когда здесь не было ни одного человека. Что удивляться если очередной грузовик получил пробоину?

Объяснительную, хоть и с ворчанием, но приняли. Мы все хорошо тогда постарались. Борт, конечно, особенно заслужил благодарность. Я хотел купить ему в подарок дополнительные блоки памяти, но для его модели это оказалось не так просто. Потом пришлось их искать на Земле.

Челик и Матиас некоторое время еще летали в экипаже со мной, но потом перешли на другие рейсы. Наученные неприятным опытом, мы стали более придирчиво осматривать груз который принимали, совсем не хотелось вот так, на полпути найти у себя в трюме очередной сюрприз. И дело даже не в том, что мы были слишком уж законопослушными – кристально честным сейчас может быть, наверное, только священник, а в том, что платить штрафы и сидеть, на старости лет, в тюрьме никому не хотелось. Чувствуете разницу?

Что касается меня, то я до сих пор вожу грузовики на трассе Луна – Рея – Титан, иногда на Тритон или Венеру. Старость пока не так уж сильно угнетает меня – голова не дает сбоев, ноги ходят, а сердце стучит правильно. Только вижу я немного хуже, но разве это проблема в наше время. Стараюсь, как могу, держать себя в форме. Но с каждым разом, как я прилетаю на Землю, я чувствую, что мне все тяжелее. Гравитация, чтоб ее... Не знаю, сколько мне еще предназначено, но хочется думать, что еще есть время.

Старички-мужички все еще нужны в пилотах, а разве этого мало?

Май 2008г.

Золотая рыбка

*Исполнение самых сильных наших
желаний часто бывает источником
величайших наших скорбей.*

Сенека

1.

Они были разными людьми.

Татьяна – специалист по технике, занимающая высокий пост в крупной компании, производящей электронику. Никита – молодой человек обычной, почти невзрачной внешности, почтовый служащий не слишком высокого ранга.

Она – с легкостью знала пять общемировых языков, он – только русский и не особо переживал по поводу этого.

Она всегда отличалась изысканным стилем в одежде, имела вкус к красивым вещам и произведениям искусства, он – был полностью убежден, что трех пар джинс и рубашек на год мужчине вполне достаточно, и никогда бы не отличил Пикассо от Писсаро. Но, тем не менее, они удивительно легко ладили друг с другом.

Соседи, жившие рядом с этой парой на тихой улочке пригорода, никогда не видели и не слышали, чтобы эта пара ссорилась. Семья Санаевых для всех казалась, чуть ли не идеалом супружеских отношений. Никита никогда не забывал о дне рождения супруги, приходил с работы вовремя, не пил и не ругался. Соседки часто спрашивали у Татьяны, как ей так повезло с мужем, на что та только и отвечала «так уж получилось». Четыре года они прожили на этой улице, но детей у них не было, хотя видимых причин этого никто не знал.

Ближайшие соседи не поверили своим ушам, когда в два часа ночи, семнадцатого августа, услышали яростные крики в доме Санаевых. Звон битой посуды и высокий женский голос сразу указал встревоженным жителям окрестных домов, что это настоящая ссора. Первая ссора такой благополучной и счастливой на вид семьи.

Все могло закончиться тем, что соседи просто повыглядывали из окон, повздыхали о невозможности идеальных отношений и снова бы улеглись спать, ведь утром многих ждет работа. Но все оказалось не так просто...

– Так, как вы умудрились такое написать? – следователь Марьин решительно отодвинул протянутый ему исписанный пластиковый бланк. Полицейский, который собственно и держал бланк, пробасил недовольно:

– А я говорю, именно так и было, – полицейский уже не первый десяток лет служил в городском отделении и ему очень не нравилось, что какой-то зеленый следователь, уперся рогами и никак не хочет принимать рапорт о первичном осмотре места происшествия.

– Это вы называете «полным рапортом»? – следователь нахмурился, как будто ему пытаются всучить наскоро состряпанную отписку.

– А что вы хотите? – полицейский слегка повысил голос. – Я, как только прибыл сюда, на место происшествия, сразу в дом. Я как ее нашел на ковре, сразу подумал все – бытовое, на почве ревности! А потом, как хотел проверить пульс, такое началось – такого за все годы службы не видел.

– Я всё выясню, – примирительно остановил его следователь. – Иначе, зачем я тут вообще. Почему вы не указали, что в доме были разбиты зеркала?

– Вы что, издеваетесь? – полицейский снова ткнул ему в руки лист. – Там же всё и так переломано! Вся мебель. А вы мне о каких-то зеркалах. Девушка эта жива оказалась. Мне же

пришлось с ней в больницу ехать, она ведь все время орала как резаная «не одна, пусть он со мной едет» и на меня показывала. Только когда доктора ее успокоили, я сюда обратно приехал и уже в авто написал это.

– Соседей кто опросил? – спросил следователь, все-таки приняв бланк в специальную синюю папку с гербом Следственной службы. Эта папка считалась чуть ли не главным символом власти следователя, даже больше чем удостоверение полиции, лежавшее в левом кармане рубашки или штатный пистолет-парализатор, висевший подмышкой.

– Пятнадцатый патруль, – избавившись от обязательного рапорта с места происшествия, полицейский стал намного спокойнее и был не против помочь следователю. – Вы же знаете, как эти ребята работают. Думают, чем быстрее, тем лучше.

– М-да, – кивнул Марьин и, наконец, вылез из патрульной машины. Было теплое, безоблачное утро. Полицейский остался в машине – смена у него закончилась, пусть теперь с этим делом мучаются другие. Но тут он что-то вспомнил и, высунувшись, крикнул следователю:

– Знаете, мне, конечно, все равно, но кажется, это он с ней такое сделал.

– Он? – переспросил довольно безразличным тоном Марьин. – Посмотрим. Ладно, я пойду отрабатывать свою огромную зарплату, удачи.

Полицейский от души рассмеялся – зарплаты следователей никогда не могли похвастаться заоблачными числами.

Марин не особо спешил к дому Санаевых. Он успел только в общих чертах ознакомиться с этим делом. Семейные разборки он никогда не любил распутывать. Особенно те, которые происходили на здешних тихих улицах провинциального города. Особенно если они усложнялись не вкладывающимися в голову показаниями. Ну, последнее, считал Марьин поправимо – наверняка поспешно собранные с соседей показания грешат неточностью и искажениями спешившего патруля.

Запищал браслет полицейского коммуникатора. Марьин нажал на прием и сказал:

– Да?

– Вы скоро там? – слегка недовольным тоном спросила Тина. – Я уже давно тружусь с анализаторами, а вы, детектив, все еще прогуливаетесь.

– Это у вас, за океаном, я детективом был бы, – Марьин слегка улыбнулся словам штатной специалистки по био-анализу. – А здесь я следователь, пора бы вам запомнить.

– Стараюсь, – ответила Тина. – Но вам и правда пора бы заглянуть к нам, здесь много чего интересного я нашла.

Марьин уже вышел к невысокому каменному забору, огораживающего дом Санаевых. Рядом с низкими воротами скромно стояла лишь одна машина, окрашенная в традиционные сине-белые цвета полиции. Никакой толкотни, кучи транспорта, мигалок и зевак вокруг не было – это ведь не съемки детективного фильма. У машины скучал патрульный, время от времени заглядывавший в электронный планшет, висевший у него на поясе.

– День добрый, – поздоровался полицейский с Марьиным.

Следователь торопливо кивнул и поспешил во двор.

На лужайке, посреди осколков оконного стекла, ходил один из ассистентов Тины – смуглый молчаливый мужчина – и внимательно присматривался к осколкам через окуляр какого-то прибора.

Сама Тина сидела в просторной и ранее хорошо обставленной гостиной. Перед ней была разложена полевая лаборатория. Здесь кроме женщины было только двое полицейских, очевидно – пятнадцатый патруль. Эти ребята лишь тихо переговаривались друг с другом и бросали короткие взгляды на сломанную мебель вокруг.

– Очень интересно, – тихо проговорила Тина, наблюдая какие-то цифры на одном из маленьких мониторов лаборатории. Ее привычка говорить сама с собой в моменты размышлений уже давно никого не удивляла в отделении.

– Что? Нашли следы пришельцев? – как ни в чем не бывало, спросил Марьин.

– А, это вы. – Тина ничуть не смутилась. – Давно бы вам пора было быть здесь.

– Ну, что уже есть? – спросил следователь, указывая на лабораторию.

– Следов насилия не обнаружено, – пожала плечами Тина.

– Не обнаружено? – удивился Марьин. – Это тогда что? – он махнул рукой на выбитые окна и разломанную мебель в комнате.

– Я говорю, что здесь никто никого не избил, не убил и не избивал никогда, – четко произнесла Тина. – Крови супруги или ее мужа здесь нет. Так что соседи ошибаются.

– Так, а что они говорят, в общем, по поводу этого... – спросил Марьин, присматриваясь к деревянному журнальному столику, разломанному неким мощным ударом на две половинки.

– Все ближайшие соседи говорят, что эта парочка среди ночи устроила знатную ссору. Подняла на уши почти весь квартал. – Подал голос один из полицейских из пятнадцатого патруля. – Никто из них такого не ожидал.

– Что, опять идеальная семья? – слегка скривился Марьин. Он ужасно не любил такие рассуждения, мол, вот жили люди душа в душу, а потом бах, и как по заказу – трупы, убийства, насилие. Но сейчас, к счастью, никаких трупов не было. А было много несуразностей и пропавший без вести человек.

– Да, – кивнул полицейский. – Но это все-таки муж сделал, я вам говорю, следователь.

– Не говорите ерунду, – недовольно произнесла Тина. – Что там эта Татьяна? Пришла в себя? – этот вопрос она задала в свой коммуникатор – такой же стандартный полицейский браслет, на запястье, как и у всех присутствующих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.